

4. Leonovich O.A. V mire anglijskih imen. M. : Astrel; AST, 2002.

5. Smolnikov S.N. Funktsionalnye aspekty istoricheskoy antroponomiki : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 2005.

Intentionality of naming in the comparative aspect (based on the survey of Russian and American informants' opinions)

Based on the based on the survey of Russian and American parents' opinions there are revealed the nominative intentions of naming subjects in the situation of naming, made the conclusion about the national and cultural specificity of nominative preferences of the Russians and the Americans in choosing a name for a newborn baby.

Key words: *anthroponym, naming, nominative intentions, reflexive, motivating sign.*

(Статья поступила в редакцию 18.07.2014)

М.К. ГОГУЕВ
(Черкесск)

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ ОТ ГЛАГОЛОВ С ДЕНОТАТИВНЫМ ПРИЗНАКОМ «ЗВУК» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

*Рассматриваются критерии типологии семантических переходов от глаголов с денотативным признаком «звук» типа русских **трещать, свистеть**, английских **hum, crack, jerk** и т.п. За производящую основу принимается акустико-артикуляционная внутренняя форма номинации, составляющая прототип глаголов.*

Ключевые слова: *фоносемантика, семиогенез, глаголы звука, семантическое пространство звука, языковая картина звучащего мира, сопоставительная лексикология.*

Исследование преобразования значения слов является одной из актуальных проблем лексической семантики сегодня. В отечественном языкознании данная проблематика представлена прежде всего работами Ю.Д. Апреся-

на, Анны А. Зализняк, Г.И. Кустовой, Е.В. Падучевой, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной [2; 6; 8; 17; 18]. В зарубежной лингвистике известны многочисленные работы по «микросемантике» (компонентный анализ) и когнитивным механизмам семантических преобразований [19; 24; 25].

Особое место в разработке языковой семантики занимает фоносемантическая парадигма [3; 10; 13; 15], рассматривающая взаимодействие формы плана содержания (сема) и формы плана выражения (фонема). Свою роль в этом направлении играет изучение звукоизобразительных (ЗИ) средств языка [23], однако семиотическое своеобразие (иконизм) данных лексических единиц (ЛЕ) предполагает сужение семантических процедур исследования и определяет «маргинальное» положение ЗИ ЛЕ [Там же] как предмета семантического исследования.

Тем не менее с развитием когнитивных перспектив исследования семантики языка появляется возможность по-новому рассмотреть семиотико-семантические преобразования в ЗИ-лексике в свете расширения метода фоносемантического поля [15] до представления «протоконцептуального пространства языка» [13]. ЗИ-происхождение, основанное на когнитивных механизмах синестезии и синестемии [22], переносит ЗИ-лексику чуть ли не в количественное ядро лексико-семантического пространства практически любого языка [10]. Лексикализация превращает ЗИ-формы из иконических знаков в символические [26], оставляя рудиментарные связи между компонентами планов выражения и содержания во внутренней форме ЛЕ [5].

В этом аспекте особый интерес представляют собой глаголы, семантика которых либо эксплицитно, либо имплицитно (внутренняя форма) отражает процессы звукового восприятия мира человеком (план содержания), и в то же время в их плане выражения проявляется материальная, звукоизобразительная природа языка [12]. С одной стороны, это глаголы, отражающие звуковую языковую картину мира [16] (рус. **трещать, свистеть, квакать** и т.д.; англ. **crack, whistle, croak**, etc.), с другой – это ЛЕ, генетически производные от прототипической звукоизобразительности языка [15] (рус. **стрелять, блестеть, брызжать, резать**; англ. **shoot, shine, grumble, cut**). Такое объединение в значительной степени отлича-

ет настоящее исследование от уже существующих исследований глаголов звука (см., напр.: [17, с. 401–424]) и предопределяет наименование предмета исследования – *глаголы с денотативным признаком «звук»* (ГДПЗ).

Глагольная семантика предполагает включение в качестве компонентов номинации семантических признаков «действие», «отношение», «состояние» или «процесс». Глаголы звука – это, как правило, однонаправленные субъектные глаголы, которые предполагают субъект (одушевленный / неодушевленный) как источник звука.

Если исходить из существования общих принципов организации «глагольности» в отражении объективной реальности в языке, то нужно допустить, что существует сравнительно небольшой круг наиболее освоенных, «обиходных» ситуаций и объектов, попадающих в круг «основных» глагольных «архетипов», определяемых, в свою очередь, антропологическими особенностями восприятия, отражения и деятельности (в том числе и речевой) в рамках той или иной культуры. Это своего рода прототипический набор базовых видов описания внеязыковой ситуации, отражающих наиболее релевантные ее признаки (действия, состояния, качества и проч.). Для ГДПЗ такими семантическими архетипами будут семантические компоненты [ЗВУЧАТЬ], [СЛЫШАТЬ] / [СЛЫШАТЬСЯ], называемые нами *архисемами*.

Нетрудно заметить конверсивный характер данных глубинных предикатов, или «глубинную диатезу», по определению И.А. Мельчука [11]. Диатеза – это своего рода *точка зрения*, ориентирование ситуации по отношению к актантам, представленным в ней. Так, «звучать» и «слышаться» имеет субъектом некую «активную» звуковую субстанцию, а «слышать» относится к «активности» воспринимающего субъекта.

Конечно, во внеязыковой действительности субъектом обеих ситуаций является перцептивный субъект («бенефициант»), «для которого» нечто «звучит» и «слышится». Однако с точки зрения глубинной диатезы мы можем говорить об определенной, заложенной в семантику глагола звука *независимости звучащей субстанции* от воли человека.

Это проявляется в семантике глагольной номинации, судя по словарным дефинициям: *hash* – «разбивать вдребезги сильным ударом; бросать что-либо (так, что предмет разбивается на куски); броситься; *звук разбивания вдребез-*

ги»; *bash* – *разг.* «наносить сильный удар, разбивающий ч.-л. вдребезги»; «(о курице) бить крыльями в пыли»; *posh* – *дуал.* «обломки ч.-л. разбитого на куски; мягкая или гнилая масса ч.-л.; разломанный (разбитый) на мелкие куски лед»; *plosh* – «плеск, всплеск»; «плескаться(ся)»; *splash* – «забрызгивать; плескаться(ся); бултыхнуться»; *gush* – «внезапно хлынуть» [1; 3; 4]. Очевидно, что в основе глагольной лексикализации, в частности, в английском языке лежит метонимический перенос «производимый звук > действие».

Таким образом, мы имеем основание для введения в семантику ГДПЗ английского и русского языков признаков [АКТИВНОСТЬ] и [ВОЗДЕЙСТВИЕ] воспринимаемого звука. Ингерентным (внутренне присущим) семантическим признаком глаголов звука, как и других перцептивных глаголов, является не столько «действие», «отношение», «состояние» или «процесс», сколько [ВОЗДЕЙСТВИЕ], поэтому данные признаки, наряду с вышеуказанными, получают статус архисем.

Релевантным и ингерентным семантическим признаком является характеристика воздействия, т.е. характеристика воспринимаемого звука. Классификация звуков природы и их корреляция со звуками языка далеко не так очевидна, как может представляться. Эксплицировать семантическое различие, например, между глаголами *трещать* и *свистеть* можно, только характеризуя их при помощи специального метаязыка, направленного на выявление их семантически релевантных дифференциальных признаков. Такой метаязык представлен рядом работ по звуковой изобразительности (см. выше), в частности исследованиями С.В. Воронина. В своей работе «Английские ономатопы. Фоносемантическая классификация» (1998 г.) ученый проводит исчерпывающе подробную классификацию английских «ономатопов», т.е. звукоизобразительных лексем. Вкратце типологическую логику этой классификации лексем звука можно обобщенно представить следующим образом:

1. Параметры звучаний:

- а) высота – низкие / высокие звуки;
- б) громкость – тихие / громкие звуки;
- в) время – мгновенные (инстанты) / продолжительные (континуанты);
- г) регулярность – периодические колебания (тон) / непериодические (шум);
- д) диссонантность – вибранты, или фреквентативы (тон-шум) / невибранты (тон-шум).

Таким образом, параметры звучаний можно разделить на количественные (а–в) и качественные (г–д).

2. Типы звучаний – удар / неудар / диссонанс.

Типы звучаний распадаются на различные психоакустические структуры, определяемые различным сочетанием качественных параметров: *тоношумовый континуант (не-удар)* – *hum* (гудеть, жужжать и т.п.); *фреквентатив квазиинстант* – *crack* (трещать, скрежетать, скрипеть и т.п.), *jerk* (толкать, двигаться толчками, отрывисто говорить и т.п.). Такие комбинации, учитывая ЗИ-фактор, могут рассматриваться как прототипические (синкретически, «по происхождению» присущие ЛЕ) семы, или *протосемы*, включающиеся в семему лексемы ЗИ-происхождения.

Как отмечено выше, звуки языка передают не только реальное звучание, но и «впечатление» от других характерных черт «импринта», т.е. «впечатления» от перцепции того или иного «действия», «отношения», «состояния» или «процесса». В языковой номинации (описании действительности звуками языка) имеет место синестезия, т.е. корреляция между такими характеристиками, как звуковая (визуальная, тактильная и перцептивная) форма (образ) и характер «действия», «отношения», «состояния» или «процесса»: *бить, блестеть, стрелять, резать, говорить, толкать* и др. – *beat, shine, shoot, cut, talk, jerk, etc.*

В сопоставительном плане классификация ономастопов, например фреквентативов (повторяющихся диссонансов), проявляет неко-

торые важные для нашего исследования моменты:

Так, под рубрикой «денотат» выступает некоторый обобщенный тип (род) звука, выраженный металексемой русского языка (метаязык описания) – *грохот, треск, скрип*.

В нашем исследовании данная металексема приобретает статус *классемы*, получающей наименование представляющей ее металексемы как наиболее яркой представительницы класса (ТРЕСК/ТРЕЩАТЬ > англ. *crash, crunch, crack, crackle, rattle, rumble, clatter, etc.*; рус. *хрустеть, хрпать, тараторить, стрекотать* и т.д.; СВИСТ/СВИСТЕТЬ > англ. *whistle, сонеть, синеть, сверчать, шептать, шипеть, пищать, дышать, свирисеть, свербеть, сверлить, пусать* и т.д.).

Таким образом, наиболее общими ингерентными семантическими признаками ГДПЗ являются архисемы [ЗВУК], [АКТИНОСТЬ] и [ВОЗДЕЙСТВИЕ]. К этим наиболее общим архисемам восходят прототипы звука, или протосемы, например [ВЫСОКИЙ ШУМНЫЙ КОНТИНУАНТ] с классемами (свистеть / whistle) или [ГРОМКИЙ ШУМНЫЙ ФРЕКВЕНТАТИВ] (трещать / crack).

На уровне протосем между видами звуков в английском и русском языках (фреквентатив, континуант, тоновый, шумный, высокий и т.д.) прослеживается стабильная симметричная корреляция. Более того, эта симметрия выступает основанием для сравнения лексико-семантических систем ГДПЗ в обоих языках, т.к. на уровне лексем (словарных единиц), напротив, имеет место значительная асимметрия.

Так, исследование словарных дефиниций показывает, что русская ЛЕ *трещать* соответствует на основании выделения предметных контекстов (денотативных областей) ряду английских ЛЕ:

- *crack* (be on the point of collapse);
- *crackle* (о дровах при сгорании);
- *creak* (о мебели);
- *chirr* (о кузнечиках и т.п.);
- *chatter, jabber* (болтать, тараторить);
- *crack* (надламываться) [1].

Английское *crack* и русское *трещать* являются такими же контекстуальными «квасисинонимами» с сугубо индивидуальными свойствами, как, например, русские *трещать* и *греметь* или английские *crack* и *roar*: *Внезапно грянул гром и хлынул дождь, но огонь не погас; языки его, треща и подпрыгивая, разползались во все стороны. Thunder cracked, and rain began to fall. The flames did not go out;*

Таблица 1

Русские и английские ономастопы-классемы [3, с. 33]

Денотат	Русский	Английский
<i>Грохот</i>	грох(от)	crash rumble
<i>Треск</i>	треск/щ хруст-	rattle crack crunch
<i>Скрип</i>	скрип скреж(ет) скреб- царап- шар(п)- шар(к)-	creak grind scrape scratch

they leaped up and roared, spreading, making a path for the undergrowth [1].

Налицо лексико-семантическая асимметрия ГДПЗ русского и английского языков в сопоставительном плане денотативной эквивалентности.

Субстанция плана выражения представлена неравномерно в двух языковых системах. В английском языке дифференциация оттенков звука и звукового действия (процесса) проявляется в значительно большей степени, что объясняется анализмом лексической семантики английского языка и синтетизмом плана выражения русского языка. Характерен пример дифференциации звуков в лексике английского языка, приводимый С.В. Ворониным, на основе двух ЛЕ: «...*twang* – подражание звуку натянутой струны, и диал. *twank*, которое Oxford English Dictionary определяет следующим образом: “передает звук, который начинается подобно звуку натянутой струны (*twang*), но который резко обрывается, как, например, звук, получающийся при ударе о тело с малым резонансом”» [3, с. 46]. В наших лексикографических источниках ЗИ-форма *twang* передается как «“памм”, звук лопнувшей струны» [1]. Анализмом английского языка позволяет чаще функционировать ономапопейческой форме в качестве глагола без морфологических изменений: ‘*chink*’ – *to chink*; ‘*crack*’ – *to crack*, etc. Это приводит к тому, что количественное соотношение ГДПЗ в русском и английском языках выражается в пропорции приблизительно 1:2.

Динамика семантики ГДПЗ в сопоставляемых языках также отмечена явным преобладанием полисемии отдельных глаголов звука в английском языке. Однако здесь важно учитывать морфологический «контекст», влияющий на семантику ЛЕ [2]. Полисемия кратко возрастает при включении в производящую ЗИ-форму морфологических (синтетических) форм русского языка, а также лексических функциональных синонимов (*свистеть* – *свистать*, *просвистеть*, *высвистать*; *хлопать* – *хлопнуть*, *захлопнуть*, *захлопать*, *прихлопнуть* и т.д.). Для английского языка такие категории, как инхоативность (*засвистеть*), завершенность (*просвистеть*, *высвистать*), итеративность (*посвистывать*) и проч., выражаемые в русском языке в словоформе, являются скрытыми категориями [7] и практически отсутствуют в лексикографии ГДПЗ (исключение составляют отдельные аналитические предложные формы типа: *прихлопнуть* – *slam (down)/ knock off / bump off / blow away* [4]).

Несмотря на семантическую парадигматику приставок в русском языке [8], в перспек-

тиве сопоставления семантической динамики (семантических переходов) синтетического (русский) и аналитического (английский) языков такое включение необходимо, т.к. снимает неоправданную асимметрию в исходных глагольных ЗИ-формах, зависящую не от лексической семантики, а от их грамматического контекста, привносимого не столько типом организации понятийного содержания, сколько морфологическим типом языковой структуры [21]. Косвенным основанием такого допущения можно считать отсутствие в английских лексикографических источниках эквивалентов большинства русских морфологических вариантов [1; 4].

Для описания семантической динамики, или деривации [6], являющейся целью нашего исследования, наиболее рельефным нам представляется комбинация метода каталогизации семантических переходов (СП) [Там же] и метода фоносемантических полей и дефиниционного анализа [13; 15].

Учитывая обобщающие (типологические) задачи предпринимаемого нами сравнительно-сопоставительного исследования семантической динамики двух языков, необходимо выявить основание для сопоставления (*tertium comparationis*), коим, как было указано выше, становится уровень протосем типа [ВЫСОКИЙ ТОНОВЫЙ КОНТИНУАНТ] (*пищать*, *свистеть*, *свиристеть* (нет точного англ. эквивалента) / *squeak*, *whistle*, *pipe*) или [НЕГРОМКИЙ ШУМНЫЙ ФРЕКВЕНТАТИВ] (*шепестеть*, *шептать*, *шаркать* / *rustle*, *whisper*, *shuffle*).

Необходимо также основание для описания и дифференциации СП. Таким основанием в нашем исследовании принимается уровень *гиперсем*. В СП ‘дуть’ ↔ ‘пить’ (*blow*, *swill*) гиперсемой становится обнаруживаемый в словарной дефиниции семантический признак “в большом количестве”, т.е. гиперсема ИНТЕНСИВНОСТЬ / БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО. Данная гиперсема является, по сути, интерпретативной (имплицативной, выводной, ассоциативной), или контаминирующей семой, объединяющей на уровне определенного сигнификативного признака две денотативные области. Ингерентно в данном СП присутствуют и архисемы [ЗВУК / АКТИВНОСТЬ / (ВОЗ)ДЕЙСТВИЕ].

Указанный СП не является регулярным [5], т.к. не воспроизводится в английской лексико-семантической системе (*blow* | *swill*) и, следовательно, имеет характерологический (отличительный) статус в сопоставлении СП от ГДПЗ английского и русского языков. Од-

нако, например, СП 'трещать' – 'крах' является регулярным (*to crash*). Он основан на той же гиперсеме БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО / ТЯЖЕСТЬ, которая объединяет две денотативные семы (*микросемы*), эквивалентные для двух языков. На указанную гиперсему накладывается коннотативный признак ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА или «дисфория» (термин Ф. Растье [19]), тогда как эта же гиперсема БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО, приобретая коннотацию ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА («эйфория»), служит основанием для регулярного СП 'греть' ↔ 'слава' (*to resound, to ring out*). Таким образом, мы имеем два направления СП – деструктивное РАЗРУШАТЬ и конструктивное ПРОИЗВОДИТЬ, восходящие к архисеме ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ.

В отличие от ингерентных архисем и протосем, гиперсемы не заданы дедуктивно, а выводятся индуктивно на основании анализа СП в обоих языках (см. о природе сем как произвольных конструктов: [Там же]). Таким образом, иерархия «архисема ↔ протосема ↔ классема ↔ гиперсема ↔ сема (микросема)» присутствует в семантической структуре каждой лексемы, но только гиперсема является основанием для контаминации двух денотативных областей, т.е. семантического перехода.

С одной стороны, выработанная нами концепция структурного «картирования» СП зиждется на принципах представления семантической структуры, предложенных Дж. Лакоффом: 1) принцип радиальной категории: с центром и расходящейся от него периферией (ср.: гиперсема); 2) корреляции между формой и значением; 3) мотивирующей связи, поддерживающей это соответствие [9]. С другой стороны, она отражает концепцию А.Б. Михалёва, следуя которой мы выделяем «микрополе» (совокупность лексем, объединенных общей гиперсемой), «макрополе» (совокупность микрополей, объединенных общей классемой или протосемой), «семантическое пространство» (общая результирующая система микро- и макрополей) (ср.: [13]).

Еще одним методом, на который ориентируется представляемое исследование, является основанный на лексикографическом *status quo* описания лексической семантики дефиниционный метод [14]. А.Б. Михалёв, в отличие от других сторонников этого подхода, применяет компонентный анализ семем – извлечение составляющих значение сем из самой формулировки толкования. Так, основное (первое порядковое) значение русского слова *тянуть* истолковывается в словаре как «взяв,

Таблица 2

Семантические переходы русских и английских ГДПЗ класса «ГРЕМЕТЬ»

Язык	РУССКИЙ		АНГЛИЙСКИЙ	
Семные уровни				
архисемы	[ЗВУК/(ВОЗ)ДЕЙСТВИЕ]			
протосема	[ШУМНЫЙ ГРОМКИЙ ФРЕКВЕНТАТИВ]			
классема	ГРЕМЕТЬ			
коннотативные направления	ЭИФОРИЯ	ДИСФОРИЯ	ЭИФОРИЯ	ДИСФОРИЯ
гиперсемы	РАЗРУШАТЬ		ПРОИЗВОДИТЬ	
	БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО		БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО	
	ИСПУГ/УГРОЗА		ВЕСЕЛЬЕ/РАДОСТЬ	
	ПРОВАЛ/КРАХ		СЛАВА	
денотативные семы (микросемы)	скандал	война	смеяться	надевать
	болезнь	голод	праздник	строительство
	ссылка/тюрьма	оружие	транспорт	
		говорить (громко)	карьеру/известность	
		кричать	колокол	
		змея		
	зона регулярных (общих) СП			

ухватив край, конец чего-л., перемещать, приближать к себе с силой, усилием». Из данного определения ученый выводит следующие составляющие семы: /взять, хватать/, /край, конец/, /перемещать/, /к себе/, /сила, усилие/. Далее, извлекая таким же образом составляющие других семем, ученый обнаруживает, что «выделенные компоненты главного так или иначе отражены в их семантической структуре, причем ни одно из них не повторяет всего набора составляющих главного» [14, с. 386].

В качестве иллюстрации мы приводим графическое представление полученного в результате дефиниционного метода исследования фрагмента «картины» семантических переходов в семантическом пространстве ГДПЗ русского и английского языков, объединенных ингерентной архисемой [ЗВУК / (ВОЗ)ДЕЙСТВИЕ], протосемой [ШУМНЫЙ ГРОМКИЙ ФРЕКВЕНТАТИВ] – самой объемной по количеству ЗИ-основ (рус. – более 150, англ. – ок. 300) – и классемой ГРЕМЕТЬ (рус. *громыхать, грохотать, дребезжать, урчать, рычать, звенеть* и др.; англ. *rumble, crash, roll, peal, roar; thunder; clatter* и др.).

В табл. 2 представлена семантическая ассоциативная сеть, принцип которой применяется в когнитивной лингвистике [20], представляющая собой совокупность точек или узлов (гиперсем), связанных с некоторым понятием (сигнификативный признак). Всякий узел может быть связан с произвольным числом сочетающихся сем, каждая из которых – с любым числом других сем (денотатов) и т. д. Опираясь на методологию фоносемантического поля (А.Б. Михалёв), мы называем такую сеть *макрополем*, включающим в себя *микрополя* интерпретативных сем. Совокупность макрополей дает *семантическое пространство*, в нашем случае – глаголов с денотативным признаком «звук» (ср.: [13]).

Необходимо уточнить значение денотативных сем, которые очерчивают денотативные области, дающие основание для выведения имплицативных, контаминирующих гиперсем: *трещать* – «змея» – УГРОЗА; *загремять* – «ссылка, тюрьма» – ПРОВАЛ / КРАХ и т. д. При этом, если первая денотативная область присутствует как основа для СП в обоих языках, то вторая характерна только для русского языка. В области общих СП не входят также денотативные семы рус. – болезнь (*хрипеть*), англ. – надоедать (*clutter*) с отрицательной коннотативной окраской.

В целом отмечается общее преобладание отрицательной коннотации для ГДПЗ класса «ГРЕМЕТЬ» в обоих языках. Уровни интер-

претативных гиперсем и основных денотативных сем часто бывают общими для обоих языков (регулярные переходы), что определяется не только общностью денотативных областей звука в обеих языковых картинах, но и ассоциативными механизмами, связанными не столько с семантикой языка, сколько с когнитивными процессами метафоро-метонимической концептуализации мира.

Литература

1. Англо-русский словарь: американский вариант. М. : «Аби Пресс», 2009. American English (En-Ru) (к версии АБВУУ Lingvo x5).
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Избранные труды. М. : Яз. рус. культуры, 1995. Т. I.
3. Воронин С.В. Английские ономотопы. СПб. : IFL – Ин-т иностр. языков, 1998.
4. Ермолович Д.И., Красавина Т.М. Новый большой русско-английский словарь. М. : Рус. яз. - Медиа, 2004.
5. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Яз. слав. культур, 2006.
6. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопр. языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
7. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972.
8. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Яз. слав. культуры, 2004.
9. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Гнозис, 2011.
10. Левицкий В.В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского языка. Опыт квантитативного анализа этимологического словаря. Черновцы : Рута, 2008.
11. Мельчук И.А., Холодович А.А. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111–124.
12. Михалёв А.Б. Красные нити лексической семантики (гиперсеммы РЕЗАТЬ и СЖИМАТЬ во французском языке) // Французский язык и межкультурная коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. Пятигорск, 2008. С. 103–110.
13. Михалёв А.Б. От фоносемантического поля к протоконцептуальному пространству языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №1. С. 91–104.
14. Михалёв А.Б. Семантические прототипы // Язык и действительность : сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М. : ЛЕНАНД, 2007. С. 383–388.
15. Михалёв А.Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 1995.

16. Михалёв А.Б. Фоносемантика и языковая картина мира // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты : материалы Междунар. школы-семинара (V Березинские чтения) / ИНИОН РАН, МГЛУ. М., 2009. Вып. 15. С. 133–140.
17. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Яз. слав. культуры, 2004.
18. Плуныян В.А., Рахилина Е.В. О лексико-семантической типологии // Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред.-сост. Т. А. Мaysak, Е. В. Рахилина. М. : Индрик, 2007. С. 9–26.
19. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород : Деком, 2001.
20. Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. Вып. XII. М. : Радуга, 1983. С. 230–231.
21. Шаламов Ю.В. К проблеме морфологии и синтаксиса английского языка // Лингвистические исследования. К 75-летию проф. В.Г. Гака. Дубна : Феникс+, 2001. С. 138–149.
22. Шестакова О.В. Универсальное и специфическое в ономастике (на материале немецкого и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013.
23. Шляхова С.С. «Другой» язык. Опыт маргинальной лингвистики. Пермь : ПГТУ, 2005.
24. Geeraerts D. Theories of lexical semantics. Auckland, N.Y., Oxford: Oxford university press, 2010.
25. Goossens L. Metaphtonymy // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 349–377.
26. Peirce Ch.S. Collected Papers. Cambridge, 1960. Vol. 2.
- * * *
1. Anglo-russkiy slovar: amerikanskiy variant. M. : «Abi Press», 2009. American English (En-Ru) (k versii ABBYY Lingvo x5).
2. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika // Izbrannyye trudy. M. : Yaz. rus. kulturyi, 1995. T. I.
3. Voronin S.V. Angliyskie onomatopyi. SPb. : IFL – In-t inostr. yazyikov, 1998.
4. Ermolovich D.I., Krasavina T.M. Novyyi bolshoy russko-angliyskiy slovar. M. : Rus.yaz.-Media, 2004.
5. Zaliznyak Anna A. Mnogoznachnost v yazyike i sposobyi ee predstavleniya. M. : Yaz. slav. kultur, 2006.
6. Zaliznyak Anna A. Semanticheskaya derivatsiya v sinhronii i diahronii: proekt sozdaniya «Kataloga semanticheskikh perehodov» // Vopr. yazyikoznaniya. 2001. № 2. S. 13–25.
7. Katsnelson S.D. Tipologiya yazyika i rechevoe myshlenie. L. : Nauka, 1972.
8. Kustova G.I. Tipyy proizvodnykh znacheniy i mehanizmy yazyikovogo rasshireniya. M. : Yaz. slav. kulturyi, 2004.
9. Lakoff Dzh. Zhenschiny, ogon i opasnyie veschi. Chto kategorii yazyika govoryat nam o myishlenii. M. : Gnozis, 2011.
10. Levitskiy V.V. Semanticheskie i foneticheskie svyazi v leksike indoevropetskogo yazyika. Opyit kvantitativnogo analiza etimologicheskogo slovarya. Chernovtsy : Ruta, 2008.
11. Melchuk I.A., Holodovich A.A. K teorii grammaticheskogo zaloga // Narodyi Azii i Afriki. 1970. № 4. S. 111–124.
12. MihalYov A.B. Krasnyie niti leksicheskoy semantiki (gipersemyi REZATЬ i SZHIMATЬ vo frantsuzskom yazyike) // Frantsuzskiy yazyik i mezhkulturnaya kommunikatsiya : materialyi Mezhdunar. nauch. konf. Pyatigorsk, 2008. S. 103–110.
13. MihalYov A.B. Ot fonosemanticheskogo polya k protokontseptualnomu prostranstvu yazyika // Voprosyi kognitivnoy lingvistiki. 2014. № 1. S. 91–104.
14. MihalYov A.B. Semanticheskie prototypyi // Yazyik i deystvitel'nost : sb. nauch. tr. pamyati V.G. Gaka. M. : LENAND, 2007. S. 383–388.
15. MihalYov A.B. Teoriya fonosemanticheskogo polya. Pyatigorsk : Izd-vo PGLU, 1995.
16. MihalYov A.B. Fonosemantika i yazyikovaya kartina mira // Yazyikovoie bytie cheloveka i etnosa: kognitivnyiy i psiho-lingvisticheskiy aspekty : materialyi Mezhdunar. shkolyi-seminara (V Berezinskiie chteniya) / INION RAN, MGLU. M., 2009. Vyip. 15. S. 133–140.
17. Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. M. : Yaz. slav. kulturyi, 2004.
18. Plungyan V.A., Rahilina E.V. O leksiko-semanticheskoy tipologii // Glagolyi dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya / red.-sost. T. A. Maysak, E. V. Rahilina. M. : Indrik, 2007. S. 9–26.
19. Raste F. Interpretiruyuschaya semantika. Nizhniy Novgorod : Dekom, 2001.
20. Skregg G. Semanticheskie seti kak modeli pamyati // Novoe v zarubezhnoy lingvistike: Priklad'naya lingvistika. Vyip. XII. M. : Raduga, 1983. S. 230–231.
21. Shalamov Yu.V. K probleme morfologii i sintaksisa angliyskogo yazyika // Lingvisticheskie issledovaniya. K 75-letiyu prof. V.G. Gaka. Dubna : Feniks , 2001. S. 138–149.
22. Shestakova O.V. Universalnoe i spetsificheskoe v onomatopee (na materiale nemetskogo i russkogo yazyikov) : dis. ... kand. filol. nauk. Perm, 2013.
23. Shlyahova S.S. «Drugoy» yazyik. Opyit marginalnoy lingvistiki. Perm : PGU, 2005.
24. Geeraerts D. Theories of lexical semantics. Auckland, N.Y., Oxford: Oxford university press, 2010.
25. Goossens L. Metaphtonymy // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 349–377.
26. Peirce Ch.S. Collected Papers. Cambridge, 1960. Vol. 2.

Considering the issue of typology of semantic transformations from verbs with denotative sign "sound" in the English and Russian languages

*There are considered the criteria of the typology of semantic transformations from the verbs with the denotative sign "sound" like Russian *трепетать, свистеть*, English *hum, crack, jerk* and so on. As the basis there is considered the acoustical and articulation inner form of nomination, which is the prototype of the verbs.*

Key words: *phonosemantics, semiogenesis, verbs of sound, semantic space of sound, language world picture of sound, comparative lexicology.*

(Статья поступила в редакцию 4.04.2014)

Т.В. ДУБРОВСКАЯ
(Уссурийск)

**СЛОЖНЫЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ
«КРАСНЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ
КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ***

Характеризуются сложные цветообозначения в корейском языке, предпринимается попытка выделить их классы.

Ключевые слова: *цветообозначения, корейский язык, сложные цветообозначения, классы сложных цветообозначений, красный цвет.*

Цветообозначения исследовались лингвистами в разных аспектах, как правило, с установкой на формирование семантического поля прилагательных, обозначающих цвет. Так, в диссертации Р.М. Фрумкиной зафиксировано 110 цветообозначений в русском языке [8, с.10], А.П. Василевич выделил в своих работах более 1200 примеров цветообозначений [3, с. 114]. В работе Чжун Сяовен было зафиксировано около 210 наименований цвета в русском языке [10, с. 32]. Однако спектр цветов, воспринимаемый человеческим глазом, составляет 10 млн цветов и их оттенков [4], и для обозначения каждого из них нет соответствующей лексической единицы. Одним из путей решения проблемы соотношения возможностей человеческого глаза и лексического обозначения соответствующей цветовой дей-

ствительности в языках является образование сложных цветообозначений, указывающих на оттенки, смешение или на сочетание различных цветов [Там же, с. 133].

При рассмотрении наименований цвета в любом языке традиционно выделяют группы простых и сложных цветообозначений. К простым относят ряд односложных цветовых прилагательных [5, с. 22]. Сложное цветообозначение по своей структуре соотносится со сложным словом, образованным способом сложения двух или нескольких корней. Сложение представляет собой такой способ морфологического словообразования, с помощью которого новое слово создается путем объединения в одно словесное целое двух и более основ или слов [7, с. 269].

Следует отметить, что в языке количество простых цветообозначений ограничено, поэтому с помощью сложных цветообозначений можно назвать гораздо большее число цветов и их оттенков, чем при помощи простых. Следовательно, больший интерес для нас составляет изучение сложных цветообозначений, т.к. именно они составляют обширный материал для исследования. В данной работе мы остановимся на рассмотрении сложных цветообозначений «красный», изучим и опишем принципы их образования, выделим модели формирования оттенков, указывающих на сочетание различных цветов, определим основные группы сложных цветообозначений «красный» в корейском языке, выявим их специфику.

В корейском языке детальное исследование цветообозначений «красный» не проводилось. Однако следует отметить, что в современных толковых словарях зафиксировано не более 70 сложных цветоименований, тогда как реальное количество функционирующих в этом языке сложных цветообозначений намного больше. В результате анализа словарных статей было установлено более 110 цветообозначений «красный» в корейском языке [1; 2; 10].

Все представленные в словарях цветообозначения можно разделить по функционально-структурному принципу на 7 основных классов.

1. Сложное адъективное цветообозначение, т.е. незначительно отличающееся от базового цвета, оттенок цвета. Образование данной группы слов происходит посредством сочетания двух простых лексических единиц. При этом особенностью данной группы слов

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-34-01203).